

Автор: Митрополит Антоний Сурожский

Я не знаю, будет ли вам вообще интересно мое сообщение, потому что мне не вполне ясно, какая публика здесь собралась. Насколько я могу судить, вы не являетесь, так сказать, однородной массой. Здесь собрались люди с разными убеждениями и наклонностями, так что, выступая перед вами, я иду на определенный риск. Несколько лет тому назад я, как ведущий молодежной группы, пригласил к нам на встречу секретаря Гуманистического общества. В своем выступлении он высказал не совсем убедительную, на мой взгляд, точку зрения: образованный и здравомыслящий человек не может быть верующим. Один из наших юношей, которому, я полагаю, не хватило тогда такта, спросил его в конце, что он думает обо мне — я необразован или, может быть, моя психика не в порядке? Узнав, что я имею медицинское образование, докладчик не решился настаивать на моей полной невежественности в научных вопросах и сделал следующий вывод: «Ну что же, в таком случае речь, несомненно, идет о психике». И сегодня я представляю вам себя именно как особый клинический случай. Я не буду пытаться что-либо доказывать, я только предложу вам кое-что рассмотреть.

Первое, о чем я хотел бы сказать, состоит в следующем. Когда мы говорим о предметах духовных, о вере в Бога, мы, конечно, тут же думаем о религии. Действительно, если речь идет о Боге, то совершенно естественно появляется мысль о религии. Но вера как феномен имеет отношение не только к Богу и вообще к области божественного. В 11-ой главе Послания к Евреям мы находим очень интересное определение веры: вера есть уверенность в невидимом. При этом под «невидимым» автор явно не имеет в виду то, что просто невидимо глазами, он говорит о том, что неуловимо, что находится вне области наших чувств. Если принять такое определение веры, то мы с вами будем вынуждены признать, что оно покрывает собой очень широкий спектр явлений. Есть целый ряд очевидных для нас вещей, целый ряд предметов, которые мы воспринимаем, не обращаясь к нашим ощущениям. Мне сразу приходят в голову две такие вещи — чувство прекрасного и любовь. Когда мы восклицаем: «Как это прекрасно!», то имеем в виду нашу внутреннюю реакцию на то, что предстало нашим глазам. И что интересно — чувство прекрасного универсально, оно, вероятно, одно из самых универсальных явлений в мире, хотя сам объект, который его вызывает и на который каждый из нас реагирует таким образом, может быть совсем не похож один на другой. В различные эпохи одни и те же творения воспринимались то как прекрасные, то как безобразные. Например, то, что теперь называется «готическим искусством», Рафаэль мог именовать точно так же, но вкладывал в это совсем другой смысл — искусство, достойное готов, то есть варваров. В наши дни люди ценят самые разнообразные формы прекрасного, которые часто несовместимы друг с другом, однако само чувство присуще всем. Это и есть акт веры в том значении, в котором употреблял это слово апостол Павел. Это уверенность, основанная не на одной только сенсорной реакции. Мы смотрим на тот или иной объект и называем его красивым, не взвешивая при этом все «за» и «против».

Более того, временами мы можем очень сильно расходиться между собой во

мнениях. Один молодой человек, впрочем, не такой уж и молодой, учитывая, что у него двенадцать детей, как-то сказал мне: «Вы когда-нибудь видели человека более красивого, чем моя жена?»... Это заставило меня вспомнить одну персидскую притчу. Жил некогда великий поэт по имени Меджнун, который писал стихи о своей возлюбленной Лейле. И стихи эти обладали такой силой убеждения, что увидеть прекрасную Лейлу захотел персидский шах. Он позвал к себе Меджнуна и Лейлу и приказал ей открыть лицо. Далее в притче идет описание ее внешности и говорится так — нос у нее был, как у орла, губы, как у верблюда, глаза такие-то, уши сякие-то, в общем, нечто безобразное. Шах с негодованием посмотрел на Меджнуна и сказал: «Ты обманул нас, ты говорил, что она прекрасна, а она — само уродство». На что Меджнун ответил: «Нет, это не обман, но чтобы увидеть Лейлу прекрасной, надо иметь глаза Меджнуна».

Я думаю, в этом есть нечто, отражающее существо дела. Это не просто иллюстрация к тому, что я пытался донести до вас. Чувство прекрасного не определяется тем, что можно описать с помощью цвета, линии, пропорций или форм. Это что-то другое. И то же самое, мне кажется, относится и к любви. Как объяснить, почему мы выбираем этого человека, а не того? Я не говорю о «любви ко всем», которая очень часто есть иллюзия, так как любить всех легче, чем любить одного конкретного человека. Мне вспоминаются слова пожилого священника: «Отец Антоний, — сказал он, — я заметил, что человек, который любит меня, подписывает свое письмо: «С любовью, такой-то»; а который не любит: «С любовью во Христе». Уже после нашего разговора я получил от него письмо, заканчивающееся словами: «С должным уважением к Вашему сану». Так я узнал свое место.

Итак, почему мы реагируем на данного человека тем или иным образом? Ни черты лица, ни голос, ни что-либо осязаемое не имеют для нас особого значения. Очень часто сквозь то, что мы видим, или, невзирая на то, что мы видим, наши чувства улавливают нечто особенное в человеке. Так что для меня вера в Бога не является чем-то странным и неестественным, она есть часть человеческого опыта, который относится не только к Богу, а свидетельствует вообще об особенностях нашего восприятия. Несомненный факт — красота человека, которого я люблю, не может быть доказан. Примером тому и Лейла Меджнуна, и жена моего знакомого. Это не результат сопоставления всех «за» и «против», а непосредственная убежденность, которая временами может показаться странной, абсурдной, недопустимой. Вот почему я не отстаиваю свою веру в Бога, а попросту исповедую факт своей веры, и для меня тут нет никаких сомнений.

Я не англичанин, и потому, хотя я знаю, что это не очень по-английски, позволю себе поделиться с вами моим личным опытом и кратко рассказать, как я стал верующим. Есть один современный французский писатель, который был атеистом и пережил то, что на языке Евангелия называется «обращением». Он написал книгу «Бог существует, я Его встретил» 1. То же самое мог бы сказать и я. Я сейчас немного проиллюстрирую свои слова, а вы, исходя из этого, будете решать, психика ли моя не в порядке, или я просто полный невежда.

Я родился незадолго до Первой мировой войны, и мое детство прошло на ее фоне,

на фоне русской революции и, затем, эмиграции. Это значит, что никакого религиозного образования мне никто никогда не имел возможности дать. Мои родители были верующими, но у нас не было дома, я жил при школе, причем абсолютно безбожной, в самом этимологически прямом значении этого слова — Бог никак не был включен в жизнь школы, и то немногое, что я знал о религии, не могло по-настоящему приблизить меня к Нему. Мне хочется сейчас в нашем разговоре упомянуть о нескольких случаях, которые произошли со мной.

В начальную школу я пошел в Австрии, и на первой же неделе занятий у нас оказался урок Закона Божия. Мои родители записали меня как «Orthodoxe», «православный», не подозревая, что в немецкоязычных странах это значит «ортодоксальный иудей», а «православный христианин» там называется «греко-православный». И меня отправили к раввину. Он взглянул на меня и спросил: «Почему ты без шапочки?» А я простодушно — мне было всего семь лет от роду — ответил: «Моя мама говорит, что нельзя в помещении покрывать голову, потому что там может быть распятие или икона». Он воскликнул: «Так ты маленький христианин?» Я сказал: «Да». «Вон отсюда!», — велел он, и я вылетел в коридор. Я был очень доволен, но мое счастье длилось недолго. Меня поймала директриса, и, выслушав, сказала: «Ах, ты христианин! Я сейчас отведу тебя к католическому священнику». Только я там устроился, священник стал спрашивать меня — кто я, что я, а когда выяснил, что я русский, православный, вскричал: «Маленький еретик в моем классе! Вон отсюда!» Так закончилось мое религиозное образование.

Родители совершили что-то вроде слабой попытки дать мне представление или какое-то впечатление о религии, взяв меня разок-другой в церковь в Страстную пятницу. И тут я сделал открытие, которое показывает, насколько я был далек от всякой мистики. Я обнаружил, что стоит мне переступить порог церкви и глубоко вдохнуть воздух, напоенный ладаном, я прямо на месте падаю в обморок, и меня увозят домой. Таким образом, и эта последняя попытка приблизить меня к религиозной реальности привела к тому, что я от этой реальности просто сбежал. Соответственно, в подростковом возрасте о Боге я ничего не знал. Он просто не существовал в моем опыте. У меня и без этого было полно проблем — как не быть избитым в драке, где поспать, что поесть, мне было недосуг беспокоиться о чем-то еще. Вы, наверное, не можете представить себе, что значит для подростка не иметь ни крова, ни еды, ни защиты. В моей жизни это сыграло огромную роль. Жизнь была суровой борьбой, в которой главной задачей являлось выживание.

Но затем наступил момент, когда распахнулись «райские двери», и мои мама и бабушка нашли небольшую квартиру в пригороде Парижа. Вы не представляете, что это было! Появилось первое в моей жизни место, где я имел право быть, куда я мог прийти и находиться там. Меня ждали, мне были рады. Там была дверь, была крыша над головой, и была любовь. Так должен был выглядеть рай, но, вероятно, уже тогда начали проявляться первые признаки странностей моей психики, потому что после нескольких месяцев действительно невероятного счастья я обнаружил, что не могу выносить его, если в жизни нет содержания, нет цели, если жить — все равно, что лакать сливки до скончания века. Меня привело в ужас бесцельное, пустое счастье. Вы можете

истолковать это различным образом: сказать, например, что у меня, действительно, было что-то с психикой, или что это был метафизический кризис; но что бы вы ни сказали, дело обстояло именно так. И поскольку я был мальчиком с очень конкретным мышлением, то я решил дать себе год, чтобы ответить на вопрос, имеет ли жизнь вообще какой-нибудь смысл, а если нет, то покончить с собой. За это время я действительно совершал некоторые попытки такого рода, например, переходил парижские улицы с закрытыми глазами, проверяя — задавят меня или не задавят. Меня осыпали бранью и прогоняли, но так и не задавили ни такси, ни другие машины.

Так продолжалось до того момента, когда перед Пасхой наш молодежный руководитель отозвал меня (а я играл в волейбол, что было тогда моей страстью) и сказал: «Мы пригласили священника провести с вами, мальчиками, беседу. Пойдем!» Я возмутился: «Ни за что! Я не верю в священников, не верю в Церковь, не верю в Бога, погода хорошая, и все!» Руководитель был человек умный, он не стал говорить мне, что беседа будет полезна для моей души, я бы ответил тогда, что души у меня нет, и пользы ей быть не может. Он сказал: «Ты только себе представь, что этот священник разнесет по Парижу, если никто из вас не придет на беседу. Ты не можешь так подвести нас; я же не прошу тебя слушать — ты только пойд и сядь». Я подумал, что лояльность к моей группе этого требует, пошел и сел в углу.

Я не был намерен слушать, но, к сожалению, священник говорил слишком громко, и то, что он говорил, возмутило меня. (Позднее я понял, что то был один из самых великих людей в русском православии) 1. У него явно не было никакого опыта общения с детьми. Он говорил о Евангелии, о евангельской любви, о том, что мы призваны быть кроткими, смиренными, терпеливыми, т.е. называл те добродетели, которые подросток четырнадцати лет никак не ценит. Нас воспитывали в воинском духе, а вовсе не в том, который Ницше называл «религией рабов». Я прямо кипел от возмущения, и по окончании беседы помчался домой, спросил у мамы Евангелие и открыл его. От докладчика я узнал, что существуют четыре Евангелия. Читать их, решил я, пустая трата времени, и взялся за самое короткое. Это было Евангелие от Марка — ясное, резкое, живое, написанное в свое время под руководством апостола Петра как раз для римских молодых сорванцов.

И вот, во время чтения Евангелия, где-то между второй и третьей главой — и это следующий этап моего умопомешательства — мне вдруг стало абсолютно очевидно, что Христос, в которого я не верю, стоит сейчас по другую сторону моего стола. Я ничего не видел, ничего не обонял, ничего не слышал, у меня не было никаких телесных ощущений, но уверенность была такая ясная, такая непоколебимая, что я произнес: «Так вот оно что!» И эта уверенность не покинула меня до сего дня.

Это, конечно, ничего не доказывает, потому что невозможно передать другому собственный опыт. Личное переживание одного не является аргументом для другого, того, который сам это не испытал. Я сейчас просто рассказываю вам о случившемся, чтобы объяснить, почему я верю в Бога, и почему вера для меня — уверенность в невидимом, где ударение стоит на слове «уверенность». Все это совершенно реально для меня и, как видите, не потому, что мне кто-то вправлял мозги или так научили в

детстве.

В дальнейшем мне пришлось все это осмысливать. Непосредственный опыт, вы знаете, является для нас абсолютно подлинным, но вокруг него наслаивается то, что должно быть осознано, продумано, проанализировано, проговорено, и, в конце концов, принято или отвергнуто. Невозможно читать Евангелие и не задумываться, не спрашивать себя, не вопрошать Бога, не обращаться с вопросами к другим людям — что значит для них то или иное евангельское высказывание, как они его понимают. Таким образом, я стал читать дальше, ставить вопросы себе, искать на них ответы, слушать других людей и собирать все это воедино. Позже, уже будучи студентом-медиком и полтора года обучаясь сначала в Salpktriire 1, а затем в Университетской психиатрической клинике, я задался вопросом: какое отношение имеют мои психологические реакции к объективному для меня факту моей встречи со Христом, в которой я был также абсолютно уверен, как если бы я лицом к лицу встретился с человеком.

Постепенно мне стало ясно, что любой опыт, который мы называем духовным, должен найти отражение на уровне нашей психики. Если он не станет осознанным переживанием, которое мы можем зафиксировать, то он окажется для нас не существующим, как бы прошедшим бесследно, насквозь нас. Итак, мне четко представилось, что субъективно реальным становится только то духовное переживание, которое достигает сферы нашей психики, психологии. Но значит ли это, что здесь задействована исключительно сфера пси-хи-че-ско-го? В этом был весь вопрос — только ли в виде некоего наития, внезапной мысли существует мой опыт? Я проверял это всеми доступными мне средствами и много читал. Моими учителями были знаменитые психологи и психиатры, например, Пьер Жанэ 1 — мимо этого имени никак не пройдешь. От него я узнал все (хотя, может быть, не все усвоил), что знаю о Фрейде и его подходе. Я пришел к выводу, что духовный опыт доходит до нас и становится реальным для нас не только на уровне нашего сознания, нашего ума, но порой каким-то образом простирается и на наше физическое состояние. При этом я ни тогда, ни теперь не считал и не считаю, что духовный опыт можно свести к некому «психологическому потрясению», а «психологическое потрясение» свести к чистой физиологии. Помнится, один французский физиолог и врач утверждал, что мозг вырабатывает мысли точно так же, как печень вырабатывает желчь. Но позднее наука доказала, что это совсем иной, гораздо более тонкий и сложный процесс. Я уверен, что можно быть верующим человеком, не отказываясь при этом от рассудительного и вдумчивого отношения как к собственному опыту, так и к свидетельству других людей.

Я считаю очень ценным умение трезво смотреть на собственные переживания и не относиться к ним слишком легковмерно только потому, что они свои. Но вместе с тем важно и не отвергать их, даже тогда, когда они почти не воспроизводимы или с трудом поддаются рациональному истолкованию. Не все разумное является рациональным. Мне кажется, простая логика вообще не характерна для психической жизни, все гораздо сложнее.

Дальше передо мной встала проблема сомнения. Что это такое? Следует ли его

бояться? Мой отец приучил меня встречать всякое событие без страха, лицом к лицу. Он считал, что подлинное, настоящее выдержит любые испытания, любую критику. Если же это событие таково, что готово чуть что развеяться, как дым, тогда чем скорее это случится, тем лучше. Поэтому я старался осмыслить все, что происходило со мной в духовном плане, и очень важное место в этом принадлежало сомнению.

Часто верующий, столкнувшись с сомнением, начинает теряться и, в итоге, пугается того, что оно может разрушить или уничтожить сам предмет веры, составляющий суть его жизни. Мне очень много дала в этом смысле научная работа под руководством одного из Кюри, а затем в медицинской школе. Для настоящего ученого более всего важна истина, а не его достижения или открытия. Сначала он собирает факты, выдвигает гипотезу, конструирует модель, создает теорию. А дальше честный ученый начинает искать возможный изъян. Продвигаться вперед можно только тогда, когда обнаружено слабое место или такой факт, который не вписывается в построенную модель. Я понял, что точно так же следует относиться и к вере. Как только вы почувствовали, что сделан новый шаг, что ваши представления стали более полными (а это непременно должно произойти, если вы стремитесь осмыслить и эмоционально прожить свой опыт), вы должны сразу же поставить перед собой вопрос — в чем теперь их недостаточность, какие данные чужого опыта могут поломать, разрушить мою модель? Надо не огорчаться, а радоваться, если модель все-таки развалится — значит, мое представление о Боге, о духовной жизни, о человеке было неполноценно, истинная реальность намного превосходит его.

Здесь, я думаю, смыкаются психология и духовность. Внутренняя, психологическая жизнь человека включает в себя тот опыт, который приносит его сердце, приносит ум, опыт, который дает нам окружающий мир. При этом наша цель — наиболее полно понять, что же есть на самом деле, какова истинная реальность. Мне кажется, в наши дни невозможно игнорировать самый разнообразный человеческий опыт, как невозможно игнорировать неосязаемый мир, в котором мы все живем. Мы знаем о существовании различного рода волн, но прямо не ощущаем их. Никто из нас не видел атома. Физика говорит нам о природе света, но эти знания, тем не менее, не вытекают из непосредственного наблюдения. Существует целая область неосязаемых явлений, исследования в которой идут с помощью дедуктивного метода. Вся современная математика — чисто умозрительная наука. Я считаю, что в области духовной, как и в иных областях, необходима честность ума, неважно, большого или малого, важна только абсолютная его честность. Однако при этом не стоит обманываться, что таким путем непременно придешь к окончательному выводу. Окончательный вывод, может быть, и родится (хотя я в это не верю), но не раньше, чем вы сможете всецело проанализировать, например, свою любовь, или чувство прекрасного. До конца это сделать невозможно, как невозможно до конца проанализировать тот опыт, который некоторые из нас называют духовным.

Ответы на вопросы

Вопрос: Как Вы понимаете, что такое бессознательное и какова его роль в

психической жизни человека?

В начале книги Бытия говорится, что Бог создал мир, но в момент творения он представлял собой хаос, и из этого хаоса постепенно возникало все. Можно представить это и так — Бог вызывал из хаоса все то, что было уже способно к красоте. Мне кажется, бессознательное очень похоже на этот хаос. Если вы стараетесь отсечь его, вы можете вместе с ним утратить и то, что позднее могло бы возникнуть не в уродливом, а в прекрасном виде, хотя пока оно, возможно, и безобразно. Это несколько напоминает зародыша в материнской утробе (разумеется, слово «уродство» тут неприменимо). Если он появится на свет преждевременно, он не будет жизнеспособен. Но если дать ему время созреть, вырасти, он родится способным стать человеком в полном смысле этого слова. И мне кажется, бессознательное — это такая глубина, где одновременно присутствует и то, что мы получаем по наследству, и то, что является плодом различных влияний, все это оседает там, но пока оно незрело, не готово пробудиться, не готово к тому, чтобы быть вызванным на свет. Вы знаете, что я не психолог, но я воспринимаю бессознательное именно так — это нечто очень драгоценное, очень значительное. Разумеется, есть опасность вернуть обратно в хаос то, что уже оформилось и могло бы жить, что уже созрело и могло бы развиваться дальше. Иногда это делается неосознанно, но иногда человек так поступает, потому что его что-то очень страшит. Следует воспитывать в себе готовность встречать любые события открыто, лицом к лицу, и верить, что все это дается нам в меру нашей способности к пониманию.

Вопрос: Вы сказали, что невозможно передать другому свой собственный опыт. Но человеческая культура предполагает накопление и передачу опыта. Как, по Вашему мнению, можно решить это противоречие?

Я думаю, опыт — это, в первую очередь, непосредственное переживание, которое еще интеллектуально не переработано. Скажем, вы влюбились — это событие. Но теперь требуется какое-то время, чтобы взглядеться в него, осознать, осмыслить, понять, что происходит. Передать другому свой опыт как таковой невозможно. Чтобы поделиться им, вам придется говорить о том, что вы поняли благодаря ему, что почувствовали, а для этого необходимо найти слова или иной способ выражения. Значение слов весьма ограничено, смысл их будет понятен только тем, кто сам в некоторой степени пережил подобное. Как видите, потребуются целая работа, чтобы отыскать в словаре подходящее слово. Можно попытаться передать свое переживание средствами музыки или живописи, т.е. искусством в любых его формах. Но неважно, в слова, линии, краски или звуки вам придется перевести свой опыт, все это опять будет воспринято другим человеком не так, как вы это задумали. Слова, например, для каждого из нас имеют свои оттенки значений, поэтому и может возникать иногда частичное недопонимание между людьми.

Приведу пример. Есть стихотворение Гуго фон Гофманшталя 1, где речь идет о словах. Когда я произношу слово «печаль», говорит он, оно доходит до многих и что-то говорит каждому, потому что каждый в своей мере испытывал ее. Видите, нужно общее опытное основание даже для того, чтобы понимать самые простые слова или

музыкальные звуки. Но вы, зритель или слушатель, воспримете и поймете это все равно по-своему, не так, как другой. Если вы принадлежите к определенной группе людей, которые имеют общий опыт, вы можете создать свой язык, но он будет иметь смысл только в рамках вашей группы. Как только вы попытаете предложить его другим, он умрет, превратясь в подобие учения, навязанного людям, у которых нет ничего общего с вами. Этот язык родился в чуждой для них среде.

Есть еще один способ передавать опыт — это ритуал, который присутствует, кстати, во всех религиях. Не знаю, стоит ли мне говорить, потому что вы знаете об этом гораздо лучше меня. Но я представлю вам свое понимание. В ритуале возможно создать символы, которые будут всем достаточно доступны и понятны.

Я знаю также, что, если говорить с людьми в молитвенном состоянии, т.е. в предстоянии перед Богом с открытой душой, то они гораздо глубже поймут смысл сказанного, нежели читая то же самое в книге.

Теперь возьмем, к примеру, православное богослужение. Оно построено как драма в понимании древних греков. Тогда не существовало разделения на актеров и зрителей, все были вовлечены в представление, одни участники что-то возвещали, другие отзывались. И это тоже возможность.

Конечно, есть опасность формализовать вещи сами по себе гибкие, заставить людей принять определенные взгляды только потому, что они высказаны авторитетами. Знаете, один из древних писателей, Марк Подвижник, говорил так — даже если сам Бог станет перед тобой и потребует исполнить то, чему твое сердце не может сказать «Аминь!», не делай этого, ибо Богу нужен не твой поступок, Ему нужна гармония между Им и тобой... Но я думаю, что жесткие формы помогают сохранить то, что могло бы быть утеряно. Это своего рода ограда. Так библиотека хранит и бережет книги, но ни она сама, ни эти книги ничего не значат, если их не читают. Но, конечно, если книга никак не созвучна читателю, невозможно читать ее с пониманием. Ответил ли я на ваш вопрос?

Вопрос: Возникало ли когда-нибудь у Вас желание обратиться к психотерапевту? Как Вы решаете свои проблемы?

Мой отец сказал мне несколько вещей, которые всю жизнь были для меня чрезвычайно важны. Первая: нет такого положения, из которого честный человек не мог бы выйти с честью, если только он не дрожит за свою шкуру. И вторая: ситуации не внешние (оккупация, война, болезнь или что-то в этом роде), а внутренние, такие как сомнение, страх, смущение, надо встречать, не закрывая глаза, а лицом к лицу, видеть их подлинный масштаб, и по мере возможности решать их, а если решения сейчас нет, отложить — возможно, мы еще недостаточно зрелы для этого. Но, главное, не надо забывать или скрывать от себя проблему. Ее надо всегда держать про запас, как возможность для нового шага вперед. Это требует, мне кажется, некоторой интеллектуальной честности и мужества; но оно того стоит. Если вы увидите, что это приносит плоды, вы будете всегда смотреть в лицо любому препятствию. И это мне кажется очень важным. Я часто сталкиваюсь с тем, что человек боится прямо смотреть на себя или на свои проблемы, начинает искать помощи и таким образом уходит от

усилия, от ответственности, от риска, от самостоятельности в своих поступках. Мне кажется, это бесполезно — в результате люди становятся неспособными справиться ни с собой, ни с внешними вызовами, интеллектуальными или любыми другими.

Вопрос: Должен ли священник специально учиться, чтобы помогать людям? Как Вам кажется, какова основная проблема современного человека?

Я совершенно уверен, что в области веры мы все должны учиться друг у друга, делясь своим непосредственным опытом, прислушиваясь к тем, кто не имеет или потерял свою веру, обдумывая те или иные положения других вероисповеданий. Диалог здесь очень важен, лишь бы он не выливался в своего рода интеллектуальную зависимость, которая не дает человеку возможность созреть и достичь свободы (это иногда случается в отношениях между молодым человеком и священником).

Ко мне приходит множество людей со своими проблемами. (Вы скажете сейчас: «Бедные! Лучше бы они пошли к психоаналитику!») Так вот, мало кто из них по-настоящему верит в себя, не так — «я все могу, я умен, я и то, и се», а верит в свою высшую ценность. И первое, что приходится говорить очень многим: «Смотри, ты не веришь в себя, не любишь себя, — в этом все дело. Помнишь, у нас был разговор, неужели и теперь ты не видишь, что я не стал бы терять на него времени, если бы не верил, что в тебе есть то, ради чего стоит потратить и время, и силы. Если я верю в тебя, то тем более в тебя верит Бог. И потому ты должен сам научиться верить в себя, верить в свою высшую ценность, свою значимость. Если ты не научишься любить себя, не по-глупому, не снисходя, не потакая всем своим слабостям, а ценя великое и настоящее в себе, знаешь, как примесь дорогого металла, золота или серебра, в породе, ты ничего не сможешь сделать. Тебя, конечно, можно научить вести себя определенным образом, как дрессируют, например, собаку или лошадь, но не таково твое, человека, назначение, да и собаки тоже».

Мне кажется, очень важно, чтобы люди учились делиться друг с другом. Для этого они должны уметь думать. Если человек просит моей помощи, но при этом не может сформулировать, какой именно, это не очень облегчает задачу ни мне, ни ему. Следует учить человека не самоанализу, потому что нельзя быть одновременно и субъектом, и объектом анализа, но надо учить его быть просто честным с самим собой, уметь сказать себе: «Вот как я себя вижу». И надо быть готовым услышать в ответ: «Ничего-то ты не понимаешь. Ты считаешь себя гением, а ты дурачок». Или, может быть, наоборот: «Ты много лучше того, чем ты о себе думаешь». Мне кажется, разница между психоаналитиком, консультантом и священником не так уж принципиальна. Правда, очень часто священник является необученным советчиком, который сам не знает, куда идет и куда ведет другого. Психоаналитик или консультант, по крайней мере, хоть что-то знает. Вот почему, скажем, при подготовке священников я уделяю много времени тому, чтобы научить их и думать, и слушать, и понимать. И когда они спрашивают меня: «Что вы подразумеваете под слушанием, что это такое?» — свой ответ я обычно заимствую из одной американской детской книжки. На мой взгляд, он очень соответствует древнему учению о созерцательной молитве:

В лесу жила-была премудрая сова.
Преостро видя все, скупилась на слова;
Скупясь же на слова, все слышала и знала.
Ах, если бы она для нас примером стала!

Если это принять за руководство к действию, можно обнаружить, что чем больше вы молчите и слушаете, тем лучше вы слышите, и слышите не только сказанные слова, но и не произнесенные. Так что и священнику, и консультанту требуется учиться искусству исповеди или беседы. Одной только доброй воли здесь недостаточно.

Вопрос: Как Вам кажется, на что в первую очередь должен обращать внимание психотерапевт, чтобы суметь помочь человеку? Вот перед вами человек во всей его многосложности, со всем его внутренним хаосом, всеми его прошлыми ранами, душевными травмами. Что надо ему сказать? С чего этот человек может начать, чтобы найти себя?

Приведу вам пример того, как я сам иногда поступаю. Не надо думать только, что это универсальный способ. Я предлагаю человеку взять Евангелие и читать его просто, без всякой специально «благочестивой» цели. Как правило, при этом человек обнаруживает в себе три типа чувств по отношению к прочитанному. Есть места, которые никак его не трогают — не задевают, но и не привлекают. Есть места, на которые он (если позволяет себе быть искренним) откликается отрицанием — «нет, этого я принять не могу», или — «нет, это выше меня».

Но есть и такие места, о которых человек может сказать словами эммаусских путников: «Не горело ли в нас сердце наше?...» (Лк. 24:32). И я всегда говорю: «Ищите такие места! И когда евангельские слова ударят вас в самое сердце, так что вы ощутите свет, радость, раскроетесь душой, вы обнаружите, во-первых, что вы с Богом одного духа, одного сердца, что вы узнали о Боге что-то такое, чего не знали раньше, и, во-вторых, что Бог открыл вам нечто о вашей душе, чего прежде вы тоже не знали. Запомните это — тут вам раскрылось что-то очень подлинное о вас самих».

В продолжение этой мысли, я бы даже сказал так — открытие своего Я есть открытие Бога, а открытие Бога есть открытие своего Я. Но это применимо, конечно, не только к Евангелию. Можно предложить для чтения, для обсуждения в беседе много самого разного материала. Только надо искать то, что затрагивает самые наши глубины, о чем можно сказать — вот он я, настоящий, не тот поверхностный человек, каким я чувствую себя обыкновенно, но то подлинное, что есть во мне.

Вопрос: Сейчас в психологии существует очень много различных направлений и школ, все они спорят между собой, каждая отстаивает свою правоту. Я знаю, что в Церкви также существуют разные течения. Что помогает вам находить общий язык между собой?

Я помню, кто-то задал вопрос: «Как бы Вы описали Православное учение, каково

место в нем каждой конкретной церкви?» И ответ был такой: «Оно подобно ночному небу. На нем есть звезды. Звезды собраны в созвездия. Созвездия помогают путнику здесь, на земле, не сбиться с пути. Но важно также и то, что между созвездиями есть огромные пустые пространства, они имеют такое же значение, как и сами звезды. Если собрать все звезды вместе в одну сверкающую огненную массу, то не останется созвездий, которые направляют наш путь на земле».

Очень важно, что Христос говорит: «Я есмь истина» (Ин. 14:6). Он не говорит, что истина — это то или это. Истина — это Личность, что бы это ни значило. Я не буду пытаться сейчас объяснить, что это значит. Истину невозможно вместить в слова, это не учение, не теория, это отношения с Тем, Кто есть Истина в полном смысле этого слова, вот и все. И мне кажется, что в сердцевине этого переживания — чувство нашего единства, несмотря на то, что могут существовать и существуют разногласия, но они не затрагивают самую суть.

Вопрос: Может быть, в притче, которую Вы нам рассказали, Меджнун оттого так странно понимал красоту, что просто сам страдал нарциссизмом? Как Вы думаете?

Мне кажется, что отношение Меджнуна к Лейле находится вне области эстетики. Он любил ее, любил человека, и черты ее лица освещались для него ее личностью. Он видел только красоту личности и не замечал внешних черт. А шах, который не прозрел внутреннюю красоту Лейлы, увидел только ее внешние черты.

Я не могу рассуждать о нарциссизме, потому что никогда не думал на эту тему в таком плане. Но мне кажется, что в тот момент, когда вы смотрите на человека не как на объект, но видите его глубину, то лицо человека меняется, потому что изменились уже ваши взаимоотношения. Древний писатель, Мефодий Патарский, говорил: «Пока юноша никого не любит, вокруг него мужчины и женщины. Как только он влюбился, есть Она — и другие люди»... Я думаю, то же самое случается во многих ситуациях, а не только в момент влюбленности. Знаете, это как лампа. Смотришь на погасшую лампу и думаешь: «Ничего в ней примечательного нет». Зажигаешь лампу, и она оживает светом. «Какая красота!» — восклицаешь ты. Или витраж. Само стекло его совершенно обычно, но стоит лучу света коснуться его, и оно становится сияющим откровением красоты. Вот об этом, мне кажется, и повествует рассказ о Меджнуне и Лейле.

Вопрос: Ваша оплата и оплата Ваших священников, наверное, зависит от пожертвований. Часто ли Вам приходится использовать свою власть, чтобы, например, собрать нужную сумму?

Оставим в стороне вопрос моей оплаты... Но я, как один из самых бедных членов прихода, имею право спрашивать с более состоятельных людей, чтобы они были щедры по отношению к менее обеспеченным. Сам я с этого ничего не имею, и поэтому мне не стыдно просить. Но это так, в скобках.

Что же касается власти, то мне кажется, следует четко различать — и это очень важное различие — власть и авторитет. Власть — возможность навязать другим свою

волю. Авторитет же проявляется в том, что твои слова или поступки являются убедительными для людей и оказывают на них свое воздействие. Я не вижу в Христе никакой власти. Я не говорю о Его власти над бесами или о способности исцелять, но Он никогда не действовал с позиции силы. Он говорил, а люди вольны были принять это или отвергнуть. Если вы принимаете Его слова, вы открываетесь все больше и больше, к новому пониманию, к дальнейшему возрастанию. Если вы отвергаете их — вы не будете осуждены за это, потому что пока человек жив, он способен меняться.

Я бы сказал, что в каком-то смысле для Церкви благо, когда она бессильна, когда вся ее мощь состоит только в откровении красоты и истины, в примере смиренного служения и мужества. Церковь гонимая была убедительна, Церковь, обладающая силой, никогда не бывает убедительной. В каком-то смысле я не вправе так выражаться, потому что живу на Западе. Но это не только мое мнение, я знаю людей в России, которые думают точно так же: проповедь тогда доходчива, когда говорится в ситуации предельной хрупкости, незащищенности. Речь не идет о безволии или робости, но о такой степени распахнутости, открытости навстречу, которая дает место действию Божию. Мне кажется, здесь уместно привести слова Господа апостолу Павлу: «Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (2 Кор. 12:9).